

Следовательно, визуальные стратегии власти в массмедийной рекламе на самом деле представляются загадочным феноменом, так как играют с различием осознанное/неосознанное, сознательное/бессознательное: парадокс здесь заключается в том, что осознанные решения принимаются неосознанно, некое «осознанное» проявление бессознательного, вроде бы в форме свободного выбора и без принуждения и угрозы или демонстрации ложных фактов.

Не следует оставлять без внимания и тот важный факт, что визуальные стратегии власти в рекламе призваны «формировать» вкус у людей, его не имеющих, посредством подающегося в рекламе модного дизайна и моды как таковой. После того как стала очевидной невозможность конвертации образования в деньги, все же сохраняет известные шансы на успех противоположная возможность: деньги выступают под видом образования – и в значительном объеме, конечно, в кредит. Эта функция относится к символическому качеству объектов, которое выражается, пусть и не полно, также в их цене. С помощью этой функции индивид обеспечивает себя как визуально, так и вербально. Гарантии правильного отбора там, где он не имеет в своем распоряжении собственных критериев отбора, – и за это даже не нужно платить, ибо реклама «обслуживает бесплатно».

Так как на достаточно большой круг людей мода воздействует как самодостаточная мотивация, соответствие моде и, по возможности, мгновенная реакция на нее является плохом завуалированным принуждением.

Исходя из всего вышесказанного, остается лишь сделать печальный вывод о том, что реальности и действительности как пространства прямой перспективы и системы координат больше уже нет. И ничто уже не добирается до конца своей истории, так как ничто не в состоянии избежать захвата визуальными стратегиями власти и трансформации в симулякр...

С. И. Голенков

Судьба субъекта в новоевропейской философии

Тема субъекта, субъективности, несмотря на расхожее утверждение об его смерти, не утратила своей актуальности, и все так же вызывает живой интерес, как и всякая другая тема, связанная с человеком, его свободой и ответственностью. Она актуальна в разных своих аспектах. Экзистенциальный интерес к ней обусловлен вопросом о свободе человека, точнее, основаниях его свободы. И в этой связи можно сослаться с Хайдеггером, который писал, что тема субъекта актуализируется в тот момент человеческой истории, когда происходит переопределение сущности свободы¹. Вопрос о субъекте обретает свою непреложную значимость и в социокультурном плане, поскольку фундаментальные сдвиги, произошедшие в XIX–XX веках в западноевропейской цивилизации, крайне обострили внимание к темам человеческих действий, в особенности массовых действий и их последствиям. Не последнее место в этом ряду занимает и теоретический аспект проблемы субъекта. Ведь если самотождественный субъект новоевропейской истории умер, то на каких основаниях может держаться сам человеческий мир, мир его культуры?

Конечно, какое-либо достаточно подробное изложение этого вопроса вряд ли посильно даже для более-менее объемной книги. Цель данной работы более чем скромна – имея в виду многоаспектность темы субъекта, хотелось бы эскизно обозначить некоторые узловые точки исторической судьбы субъекта, субъективности в истории европейской философской мысли. Эти узловые пункты его судьбы образно можно маркировать как «триумф», «смерть» и «возрождение». Их рассмотрение позволит, во-первых, трезво взглянуть на сам

¹ Хайдеггер, М. Европейский нигилизм // Время и бытие. Статьи и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. С. 118.

этот путь; во-вторых, зафиксировать современное состояние темы субъекта, определив, что с ним происходит сейчас; наконец, попытаться предположить возможные пути его дальнейшей судьбы.

«Триумф субъекта»

Триумф, торжество субъекта в европейской мысли берет свое начало в метафизике Декарта, заложившей основания нового мышления, благодаря которому начинается новая эпоха европейской истории, позже определенная как «Новое время». Существо изменения мышления в ту эпоху Хайдеггер в «Европейском нигилизме» определил как «поворот». Содержание этого поворота состояло в том, что произошла смена оснований предшествующего понимания истины. Христианская истина Откровения, истина церковного учения была поколеблена работой критической мысли Возрождения. Человек той эпохи освобождает себя от первоочередной обязательности истин церковного учения и библейского откровения. Он отныне ищет не церковные, не библейские основания истины.

Теоретическая проработка этих поисков происходит в философии XVII века и в первую голову в метафизике Декарта². Именно в ней человек определяется в роли подлинного и единственного субъекта, как основание самого себя и всякого сущего³. *Ergo cogito ergo sum* — основополагающая

² «Вплоть до начала новоевропейской метафизики у Декарта и даже еще внутри самой метафизики все сущее, поскольку оно есть сущее, понималось как *sub-iectum*. Субъектум — это латинский перевод и истолкование греческого *κρη-κβιμενπн* и означает подлежащее и лежащее-в-основе, само собой заранее уже пред-лежащее. Через Декарта и после Декарта «субъектом» становится в метафизике преимущественно человек, человеческое «Я». Как человек входит в роль подлинного и единственного субъекта? Почему этот человеческий субъект накладывается на «Я», так что субъективность становится тут равнозначна сфере «Я»? Субъективность ли определяется через «Я» или, наоборот, «Я» через субъективность?» (Хайдеггер, М. Европейский нигилизм // *Время и бытие: Статьи и выступления* : пер. с нем. М. : Республика, 1993. С. 118).

³ ««Субъектум» по существу своего понятия есть то, что в каком-то отличительном смысле заранее всегда уже предлежит, лежит в основе чего-то и таким образом служит ему основанием.

формула этого превращения. *Ergo*, обосновывая сам себя, одновременно становится основанием всего остального. Появившийся субъект здесь есть тот, кто мыслит, все остальное становится объектом его мышления, которое понимается как представление. Человек в своем представлении теперь рассматривает себя в качестве субъекта, превращая, тем самым, все остальное в объект.

Субъект-объектное отношение, превратившись в когнитивную конструкцию, обеспечило на следующие триста лет лидирующие позиции западноевропейской цивилизации, победное, триумфальное шествие новоевропейского субъекта. Ярким примером тому могут служить статистические данные по научным открытиям и технологическим изобретениям, приведенные в работе П. А. Сорокина «Кризис нашего времени». Так, если в период, начало которого связано с возникновением теоретического знания (т. е. возникновение философии и науки в VIII веке до н. э.), а завершение его приходится на конец Возрождения (XVI в.), было сделано чуть более тысячи открытий и изобретений, то уже в последующие триста лет (XVII — самое начало XX вв.) происходит их лавинообразное нарастание. В этот период было сделано более 11 500 открытий и изобретений⁴. Именно начало Нового времени стало для Европы тем периодом, когда субъект-объектная конструкция, утвердившаяся в качестве основания новоевропейского разума, обеспечила интеллектуальное и, в конце-концов, историческое преимущество Запада перед Востоком.

«Смерть субъекта»

Стремясь постигнуть природу *Эго*, природу самосознания, европейская философия Нового времени предпринимала самые разнообразные попытки ее представления и обосно-

Из сущностного понятия «субъектум» мы должны ближайшим образом исключить всеобщее понятие «человек», а потому также понятие «Я», «самость». Субъект — т. е. само по себе предлежащее — это камни, растения, звери ничуть не в меньшей мере, чем люди» (Там же).

⁴ См.: Сорокин, П. А. Кризис нашего времени // *Человек. Цивилизация. Общество* / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов : пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. С. 467.

вания. Рационалистическая философия от Декарта до Гегеля представляла ее в качестве мыслительной, понятийной; иррационализм XIX века в лице Шопенгауэра и Ницше определял природу субъекта как феномен воли; Маркс последним основанием сознания и самосознания считал материальную человеческую деятельность, производство, труд.

Однако, обретая в теории ту или иную определенность своей природы, субъект переставал быть своим основанием. Так становясь субъектом производства, он регрессировал до звена этого производства, пусть начального, но все-таки звена, которое со временем теряло свою значимость, разменивая себя в серийном автоматизированном производстве стандартного продукта. Нескончаемый цикл производства-потребления, интегрируя в себя человеческий труд в качестве звена, развитие человека сводил к метаморфозе предметных и не-предметных форм, к процессам опредмечивания-распредмечивания, конечным феноменом которых стала диалектика взаимных превращений предметных форм товарного производства. Апофеозом этих процессов, до сих пор играющих в человеческой истории основную, даже, наверно, основополагающую роль, стал процесс товарно-денежных обращений отчужденной человеческой сущности, мериллом и, в определенном смысле, условием существования которой становится денежное вознаграждение в виде зарплаты или прибыли. Человек умер как субъект, как самообосновывающееся существо, умер, кстати, породив феномен массы, которая не имеет собственного основания, ибо ее претензии направлены всегда вовне, а не к себе. Блестящий анализ этого превращения мы найдем в работе Хосе Ортега-и-Гассета *«Восстание масс»*⁵. Просвещение и индустриализация, следуя логике истории новоевропейского субъекта, помогли массе не только отринуть Бога в качестве необходимого основания своего существования, но и отказаться от себя. Субъект умер⁶. В такой

⁵ См.: Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс : сб. : пер. с исп. М. : АСТ : Ермак, 2003.

⁶ «Смерть субъекта» – не дело рук постмодернизма. Не он первый смерть субъекта констатировал. Констатацию этой смерти мы обнаруживаем у Хайдеггера в феномене *Das Man*, в феномене «одномерного человека» Маркузе. Так же как не Ницше убил Бога констатацией его смерти. Ужас смерти Бога, который сквозит у

ситуации как никогда актуален призыв Спинозы «не плакать, не смеяться, не возмущаться, но понимать». Именно этим путем пошел Мишель Фуко, который в своей работе *«Что такое автор?»* заметил, что недостаточно просто повторять, что автор исчез. «..Недостаточно без конца повторять, что бог и человек умерли одной смертью. То, что действительно следовало бы сделать, так это определить то пространство, которое вследствие исчезновения автора оказывается пустым, окинуть взглядом те свободные места и функции, которые этим исчезновением обнаруживаются»⁷. Эта позиция имеет своей задачей переосмыслить феномен субъекта, субъективности в перспективе преодоления традиционного понимания субъекта как целостного и самотождественного, поскольку, по глубокому убеждению Фуко, такого суверенного и основополагающего субъекта, универсальной формы субъекта, которую можно найти повсюду, не существует. «Речь идет о том, – говорит он, – чтобы отнять у субъекта (или у его заместителя) роль некоего изначального основания и проанализировать его как переменную и сложную функцию дискурса»⁸.

Исходная интенция анализа субъективности у Фуко становится понятной, если обратиться к латинскому термину *subjectus*: 1) лежащий или находящийся под чем, прилежа-

Достоевского – «если Бог умер, то все позволено» – это ужас перед безответственностью. Ведь если Бог умер, то кто за все это будет отвечать? Человек, не несущий в себе Бога и не убоявшийся его, – безответственен. И тогда все позволено. Здесь нет смысла и места разбирать неоднозначность такого следования. Укажу только на очевидное: истина ужаса смерти Бога – вопрос об ответственности.

⁷ Фуко, М. Что такое автор? / Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко : пер. с франц. М. : Касталь, 1996. С. 18.

⁸ Фуко, М. Там же. С. 40. Этот же пафос присутствует у Делеза и Гваттари в их совместной работе *«Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения»*, в которой они анализируют феномен «странного субъекта», который наряду с желеющими машинами является основным элементом производства бессознательного. См.: Делёз Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари : пер с франц. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория, 2007.

щий, граничащий, смежный; 2) подчиненный, подвластный, подверженный⁹. Фуко в своем анализе делает акцент на втором значении, пытаясь представить формирование субъекта, процесс субъективации исторически¹⁰.

Рассматривая в своих работах разные практики и техники подчинения-освобождения индивида, Фуко приходит к выводу, что не существует одного самотождественного и целостного субъекта, но есть разные субъекты и, более того, сам субъект является сложным, неоднородным образованием. Описывая, например, роль тела индивида в механизмах формирования такого субъекта права как преступник, Фуко в работе *«Надзирать и наказывать»* пишет: «...Тело (преступника. – С. Г.) образует элемент, который благодаря целой игре ритуалов и испытаний свидетельствует о том, что преступление имело место, что оно само и совершило это преступление, показывает, что преступление запечатлено в нем и на нем, подвергается операции наказания и чрезвычайно наглядно является его результатом»¹¹. Обратим внимание на то обстоятельство, что тело индивида представляет собой объект целого ряда разделяющих практик, в результате которых оно презентрует разных субъектов. Тело индивида как свидетельство факта преступления («преступление имело место, что оно само и совершило это преступление») формирует субъекта преступного деяния; в качестве феномена преступления («преступление запечатлено в нем и на нем») оно представляет индивида как субъекта вины и субъекта осуждения; в виде наказуемого («подвергается операции наказания») оно делает его субъектом наказания; представляя последствия преступления («является его результатом»), оно делает из индивида субъект пытки и казни. Субъект-преступник – это множественный субъект, точнее, его множе-

⁹ См.: Петрученко, О. Латинско-русский словарь. Репринт IX-го издания 1914 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шмачалина, 1994. С. 616.

¹⁰ См.: Голенков, С. И. Понятие субъективации Мишеля Фуко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 1. С. 54–66.

¹¹ Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 70.

ственность есть множественность тех практик разделения, которые воспроизводит множественность процедур субъективации: субъект преступления, субъект преследования, субъект задержания, субъект дознания, субъект вины, субъект осуждения, субъект наказания, субъект заключения и т. д. В судебном процессе и наказании происходит не только постепенное формирование и метаморфозы различных субъектов, но и их взаимная игра. Какую цель преследуют практики разделения? Благодаря какому процессу, какому механизму объективации индивид формируется как субъект?

Цель всех этих практик – определить индивида как субъекта, чтобы *знать* его, и на основании этого знания найти ему место в социальном теле, применить его с наибольшей (экономической, политической, социальной) эффективностью. Своеобразная калькуляция человеческого ресурса. Примером тому могут служить концентрационные лагеря нацистской Германии и система сталинского ГУЛАГа. В этой калькуляции субъект, несомненно, несамостоятелен, он марионетка, и как таковая не имеет ни своей воли, ни своей души. Этот вывод и позволяет Фуко на законных основаниях отказать в существовании целостному и самотождественному субъекту. Вердикт Фуко: *субъект – это переменная и сложная функция разнообразных техник и практик власти и сопротивления*.

«Возрождение субъекта»

Однако констатация множественности и разнородности субъекта не обязательно должна вести к утрате субъектом своих оснований и к смерти. В XX веке был иной вариант переосмысления субъекта. Такой вариант предложен М. М. Бахтиным в известной работе *«К философии поступка»*¹². Исходный пункт позиции М. М. Бахтина не мыслящий субъект классической новоевропейской традиции, не функция общественной связи Маркса и не разделенный субъект Фуко, а *живущий* субъект. Исходное представление о существовании субъекта должна, по М. М. Бахтину, составлять его жизнь. Жизненный акт как «единое и единственное событие совер-

¹² Бахтин, М. М. К философии поступка // Работы 20-х годов / М. М. Бахтин... Киев: Next, 1994.

шаемого бытия»¹³ – вот что должно лежать в основании всякого рассмотрения субъекта и составлять исходный момент всякой теории о субъекте.

Жизненный акт, взятый в своей единой-единственности, отмечает М. М. Бахтин, имеет две стороны: смысловую, которая являет содержание поступка, и фактическую, которая представляет собою осуществление его, «введение в реальность»¹⁴. Смысловая сторона поступка в этом акте, с точки зрения жизни субъекта, не столь важна (хотя и необходима) в сравнении с самим событием осуществления, которое только и дает субъекту позицию «участия-в-бытии». Это признание единственности участия субъекта в бытии есть действительная и действенная основа его жизни. Это участие в бытии и определяет мою незаменимость в бытии. На важнейший вопрос философии – что призывает меня участвовать в бытии? – который в традиции имеет разные варианты ответа: Бог, воля к жизни, воля к власти, зов бытия, желание, соблазн, закон природы и т. д., Бахтин дает свой ответ: «Мое неалиби в бытии»¹⁵. Мое участие в бытии, мои действия и поступки имеют своим основанием не волю, потребности или желание, а голый факт существования, поскольку я всегда уже есть. До всякого понимания, знания, желания, потребности я всегда уже есть. Поэтому мое участие-в-бытии не обосновывается и не познается, но «единственным образом признается и утверждается»¹⁶. Я поступаю, потому что я есть. «Действительно быть в жизни – значит поступать»¹⁷. Поступок и есть вхождение в событие бытия, продуктивное единственное действие, поскольку я его совершаю, и как таковое оно есть должностующее. Это мое действие есть действие должностующей единственности. И если я сам – «изнутри» – признаю факт этой должностующей единственности, то сам этот факт становится центром моей ответственности за мое бытие, за мое участие-в-бытии.

¹³ Бахтин, М. М. К философии поступка // Работы 20-х годов / М. М. Бахтин. Киев : Next, 1994. С. 12.

¹⁴ См.: Там же. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 41.

¹⁶ Там же. С. 41.

¹⁷ Там же. С. 43.

Единственность события бытия порождает множество субъектов во мне, «бесконечное множество»¹⁸, уточняет М. М. Бахтин. Но из этого признания комплексной структуры субъективности М. М. Бахтин делает вывод, прямо противоположный Фуко. По Фуко: если субъектов много, то нет единственного. По Бахтину: если субъектов много, то каждый единственен. Таким образом, согласно Бахтину, субъект – это тот, кто ответственно поступает, это способ ответственного «участия-в-бытии». Этот вывод М. М. Бахтина достаточно плодотворен и широко используется, например, французской школой анализа дискурса¹⁹.

Завершая этот по-необходимости краткий обзор судьбы субъекта в новоевропейской философии, отмечу, что перевод субъекта из сферы трансцендентальной, из сферы познания в сферу социального бытия отнюдь не означает упразднение субъекта, как это делает постмодернизм. Только здесь – среди людей – субъект и может обрести действительное пространство для своей жизни.

¹⁸ Там же. С. 45.

¹⁹ См. напр.: Отье-Ревю, Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура Смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. ; общ. ред. и вступ. ст. П. Серию ; предисл. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1999. С. 54–94.